

ЭКОНОМИКА КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

С.Н. Ивашковский

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России.

Статья посвящена разработке некоторых концептуальных положений для анализа экономики как культурного явления. Раскрывается природа культуры, её критически важная роль в формировании экономического мышления и поведения людей. На отдельных примерах автор показывает, что культура не всегда тождественна социальной полезности, поскольку устаревшие, традиционалистские, иррациональные культурные нормы становятся враждебными прогрессу, обрекают народы на отставание, нищету и провалы в развитии.

Подвергается критике математизация экономической теории, стремление всё большего числа учёных-экономистов изъясняться исключительно языком формул, уравнений, цифр и графиков. В результате экономическая наука превращается в своеобразную «социальную физику», теряет свой подлинно гуманитарный характер, какой она имела в работах всех великих экономистов прошлого. В связи с этим подчёркивается важность междисциплинарного подхода к экономическим исследованиям, включения в предметное поле экономической теории наработок других социальных дисциплин – истории, философии, социологии, культурологии.

Аргументируя главный тезис статьи, автор показывает, что между экономикой и культурой существует глубокая онтологическая связь, которая обнаруживается, прежде всего, в том, что обе эти сферы человеческих отношений направлены на решение одной и той же задачи – конкурентный отбор наилучших способов выживания людей, реализации ими соответствующих жизненных потребностей. Для преодоления трудностей, связанных с включением культуры в инструментальный арсенал экономической науки, предлагается использовать категорию «культурного капитала», которая позволит глубже осмыслить и наполнить новым содержанием более ранние ипривычные для экономистов понятия капитала.

Ключевые слова: конкурентный отбор, культура, культурный капитал, математизация экономической теории, постмодерн, природа культуры, социальный капитал, ценности, человеческий капитал, эффект колеи.

УДК 330.1

Поступила в редакцию 04.03.2017 г.

Принята к публикации 05.05.2017 г.

Как бы ни были важны институты и экономическая политика, мы должны признать, что каждая экономика – это культура или смесь культур, а не только программ, законов и институтов.

Эдмунд Фелс, американский экономист, лауреат Нобелевской премии по экономике

Культурные корни экономики, или почему многие экономисты не хотят их видеть

Известно, что стандартная модель экономики устроена таким образом, что в ней культурные нормы, обычаи, коллективные убеждения и верования людей не берутся в расчёт. И хотя эти явления повседневной жизни в большинстве случаев экономистами не отрицаются, тем не менее трактуются, по меткому выражению индийского учёного К. Басу, «как вишенки на торте или как простой декор, не оказывающий большого влияния на сущность экономики» [2, с.81]. Между тем специалисты, занимающиеся культурологическим анализом социальных систем, давно заметили, что люди разных стран и народов не в одинаковой степени наделены теми культурными качествами, которые необходимы для поступательного развития общества. Одним из первых на это обратил внимание известный французский политический деятель XVIII в. А. де Токвиль, объясняя едва начавшийся подъём молодой американской республики как культурный по своей природе феномен. В 1903 г. к аналогичному выводу пришёл М. Вебер, провозгласивший в своей книге о «духе капитализма», что протестантская культура в гораздо большей степени способствует модернизации общества, чем католицизм. И хотя в дальнейшем роль культурных паттерновна долгие годы практически полностью исчезла из экономических исследований, тем не менее во второй половине XX в. происходит возрождение интереса к данной теме. В конце 1950-х гг. эту гипотезу протестировал американский социолог Э. Бэнфилд в книге «Моральные основы отсталого общества» [26]. На примере образа жизни крестьян в Калабрии (юг Италии) он показал, что экономическая отсталость и бедность тех мест, господствующий там авторитаризм, сужение «круга доверия» между людьми и «аморальный фамилизм» питались исключительно культурными корнями. В дальнейшем культурно-ментальный подход к объяснению социально-экономических процессов стал признаваться всё большим числом исследователей, среди которых значатся имена таких видных корифеев западной социальной мысли, как С. Хантингтон, Д. Норт, Ф. Фукуяма, Н. Фергюсон и другие. В России над этой проблемой в последние годы плодотворно трудятся Е. Ясин, В. Автономов, Д. Травин. Современный австралийский историк экономики Дж. Бирмингем также разделяет мнение о том,

что «некоторые культуры лучше, намного лучше, чем другие, способны реализовать потенциал тех, кто к ним принадлежит». Главными бенефициарами этой «самоочевидной истины» он считает англосаксов-протестантов¹, «но кроме них таковыми являются ещё и евреи, а также те, кому посчастливилось родиться в конфуцианском обществе» [26].

В недавно переведённой на русский язык книге известного американского социолога Л. Харрисона «Евреи, конфуцианцы и протестанты: культурный капитал и конец мультикультурализма» содержится обширный фактический материал, на основе которого автор доказывает справедливость суждений Бирмингема. Предпринятый Харрисоном сравнительный анализ различных культурных ареалов с точки зрения их влияния на человеческое поведение, экономическое развитие и социальный прогресс, показывает, что созидательная роль культур, благоприятствующих прогрессу, объясняется тем, что они создают структуру стимулов, открывающих простор для разного рода инноваций, быстрого и творческого их восприятия и реализации в практической деятельности. Напротив, культуры, враждебные прогрессу, сопротивляются переменам, с подозрением относятся к новому, долго и мучительно его усваивают, и в результате обрекают народы на отставание, нищету и провалы в развитии. Такие культуры американский историк экономики Д. Ландес назвал «токсичными», поскольку «они калечат тех, кто держится за них», а потому «являются “ядом” для экономического развития» [26, с.14].

Примечательно, что данное заявление Ландес сделал ещё летом 2000 г. на конференции по теме «Принимать в расчёт культуру», проходившей во Флоренции при финансовой поддержке Всемирного банка, и оно, по воспоминаниям присутствовавшего там Харрисона, «вызвало шок у значительной части слушателей» [25, с.11]. Вместе с тем, Всемирный банк с одобрением отнесся к выводам Ландеса, а также к позже вышедшей книге «Культура имеет значение», содержащей главу, написанную им [14, с. 30] и ставшую «бестселлером в книжном магазине Всемирного банка» [25, с. 14]. Более того, эта книга, по словам Харрисона, послужила одной из существенных причин решения Всемирного банка привлечь учёных и экспертов к изучению данной проблематики и выпустить собственное исследование на эту тему [27].

Идея «культурного детерминизма» в оценке направлений и результатов социально-экономического развития близка и лауреату Нобелевской премии по экономике, видному представителю неoinституционализма Д. Норту. В своей последней работе «Понимание процесса экономических изменений» он выдвигает

¹ С. Хантингтон в своей книге «Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности» также подчёркивал решающую роль англо-протестантской культуры в успехе Америки. К составляющим этой культуры он относит: верховенство права; честную игру; индивидуальные права; ограничение государственной власти; сочетание индивидуализма с чувством общности; свободу, включая религиозную свободу; жёсткий этический кодекс, воспитывающий доверие и трудолюбие, приверженность человеческому прогрессу, особенно тому, который достигается через образование [24, с. 23]. Далее он задаётся вопросом: «Была бы Америка Америкой, если бы в XVII-XVIII вв. её заселили не английские протестанты, а французские, испанские или португальские католики? Ответ простой – нет. Это была бы не Америка, это был бы Квебек, Мексика или Бразилия» [25, с. 24].

нул тезис об «*эффекте колеи*», с помощью которого на обширном историческом материале обосновывает ограничение возможностей выбора, существующих в настоящем, историко-культурным и институциональным наследием прошлого. По мнению Норта, именно культурное состояние общества и выстроенные на нём институты создают стимулы либо к росту и процветанию, либо к стагнации и упадку. Изучение «*эффекта колеи*» важно и потому, подчёркивает Норт, что «*культура не только определяет эффективность общества в данный момент времени, но также посредством того, как выстроенные на ней институциональные структуры упорядочивают человеческую деятельность, вносит свой вклад в процесс долгосрочных экономических изменений*» [21, с.9, 83]. Известный американский социолог Р. Нисбет также обращает внимание на то, что экономический рост не автономен, он является продуктом определённого мировоззрения, культурных норм и моральных принципов, поощряющих трудолюбие, пунктуальность, организованность, а главное, ориентацию на будущее, которая, в свою очередь, порождает такое качество, как бережливость – условие формирования капитала как движущей силы развития [20, с. 23].

Анализ имеющейся научной литературы показывает, что триумфальный подъём западного мира на протяжении последних пяти веков объясняется целым рядом причин – от великих географических открытий и колониальной экспансии до благоприятных климатических условий, умелого государственного регулирования экономики, широкого использования высоких технологий и современных финансовых инноваций. Однако даже беглый взгляд в прошлое показывает, что ни один из этих факторов не возникал на пустом месте, их появление становилось следствием той глубокой культурной трансформации, которая происходила в Европе в ходе сменявших друг друга периодов Возрождения, Реформации и Просвещения. В результате этих изменений люди расширяли свои экономические и естественнонаучные знания, порывали с традиционными средневековыми правилами и привычками и вводили в обиход новые формы поведения, приобретали дополнительную энергию, приводившую в движение труд, капитал и рыночные силы и постепенно выливавшуюся в невиданный прежде социально-экономический и политический динамизм.

Нечто подобное наблюдается сегодня в странах Восточной Азии, которые, отказавшись от «*этики недеяния*», нашли, в конечном счёте, решение задачи «*квадратуры круга*» – осуществили грандиозную модернизацию экономики и общества, внедряя западные институты в традиционно жёсткую «*рисово-конфуцианскую*» культуру, сдерживавшую на протяжении многих веков рыночно-капиталистическую организацию экономики и социальный прогресс. Мы видим, как на наших глазах за три с небольшим десятилетия стремительно поднялся Китай, который по прогнозу Всемирного банка по общему объёму ВВП выйдет к 2020 г. на уровень США – самой развитой экономики современного мира. Ранее колоссальных успехов в модернизации экономики и общества добились Япония, Тайвань, Южная Корея, а вслед за ними Сингапур, превративший-

ся за относительно короткий срок в полноценную, пусть и весьма своеобразную модификацию общества западного типа. Далее в этот список можно включить недавно ещё отсталые, с феодальными порядками Таиланд, Малайзию, Индонезию, Филиппины, которых сегодня относят к новым индустриальным странам (НИС) «второго поколения». Скорость их движения ниже, чем у «драконов», но она стабильная и результативная во всех сферах социальной жизни.

В этом ряду находится и преуспевание национальных и религиозных меньшинств в мультикультурных обществах, где для всех существуют одинаковые экономические возможности и стимулы. Гораздо большего, чем основная масса населения, добивались в свое время армяне в Турции, персы в Индии, гугеноты во Франции, квакеры в Англии. Успехи нынешних китайцев в государствах Юго-Восточной Азии, индийцев в Восточной Африке, басков в Латинской Америке, евреев и кальвинистов во всех регионах их проживания также объясняются причинно-следственной связью между культурой и экономическим благосостоянием. В перечисленных странах и диаспорных группах издавна культивировался стиль жизни, основанный на трудолюбии, дисциплине, доверии, бережливости, сознательном планировании действий, предпочтении мирному разрешению конфликтов, неприятию потребительского разгула, пьянства, других человеческих пороков.

Показателен и опыт старообрядческого движения на Руси, сыгравшего в прошлом огромную созидательную роль в истории русской предпринимательской культуры, а, следовательно, в экономическом развитии страны. Это движение оставило заметный след в становлении принципиально новой для России тех времён трудовой этики, рационального хозяйствования, формирования ряда черт, характерных для «экономического человека». Энергия созидания, старательность, методичность, аскетическая самодисциплина, взаимопомощь и доверие (внутри общины) стали не только наглядными признаками истинной веры, выделяющими старообрядцев среди широких кругов нищего крепостного крестьянства, но, что особенно важно, послужили условием формирования на Руси нового социально-экономического явления – *предпринимательского капитализма*. Изолированные старообрядческие общины, будучи достаточно свободными и независимыми от государства и официальной церкви, усердно занимались торговлей и предпринимательством и пожинали плоды своих трудов – накапливали немалые запасы сначала коллективных, а позже и частных капиталов [11]. Со временем старообрядцы заняли лидирующие позиции в предпринимательском сообществе России, и перед революцией 1917 г. свыше 60% торгово-промышленной буржуазии страны было представлено выходцами из их среды [12, с.129].

Культурная предрасположенность народов может выступать и фактором бедности, серьёзным тормозом общественного развития. Именно культурные корни, «состояние умов» (Л. Харрисон) объясняют отсталость стран Африки, Латинской Америки, ряда исламских государств Ближнего Востока, продол-

жающийся институциональный, социально-экономический и политический застой на пространстве бывшего Советского Союза, включая Россию. Все эти примеры – неоспоримое свидетельство того, что культура является одним из ключевых условий в поддержании прогресса одних народов и воспроизводства отсталости и бедности других.

Вместе с тем, несмотря на ширящийся круг сторонников культурологического объяснения социально-экономического прогресса и очевидность фактов реальной жизни, наиболее влиятельным в современной экономической науке по-прежнему остаётся направление, пренебрегающее культурой как инструментом научного анализа. В нём довольно прочные позиции занял математический формализм, превративший экономическую теорию в разновидность «социальной физики», который по самой своей сути несовместим с культурной антропологией, а главное – с экономикой как живым творчеством миллионов народных масс. В лучшем случае экономисты, сталкиваясь с разного рода «аномалиями» в процессе принятия людьми управленческих решений, предпочитают использовать когнитивную психологию, поскольку на её основе гораздо проще включить в количественные модели поведения жёсткую логику эвристических методов, нежели анализировать пертурбации, вызванные культурно-обусловленными схемами восприятия и оценивания окружающей действительности [6, с.475].

Проблема также в том, что экономисты-математики в большинстве своём мало интересуются экономической историей, грешат плохим знанием движущих сил, мотивирующих социальные процессы, в особенности роли своеобразия человеческого капитала в экономическом развитии в разные исторические эпохи. Дж. Мюллер, ведущий профессор истории Католического университета Америки, пишет: «Экономистам и историкам экономики трудно понять – если не сказать больше, до какой степени понятия и предрасположенности культуры времён, предшествующих современности, сформировали современный капитализм. Это просто не вписывается в категории, коими привыкли мыслить современные историки экономики, принявшие на вооружение эконометрию. В последние десятилетия экономисты прибавили к своему теоретическому багажу понятие «человеческого капитала», под которым они понимают характеристики, способствующие экономическому успеху. Однако они предпочитают и в этом вопросе исходить из критериев, поддающихся измерению (например, число лет, проведённых в школе). Как только в это понятие включают черты личности и разнообразные ноу-хау, не являющиеся результатом формального образования, понятие человеческого капитала становится методологически неуловимым. Большая часть реальности экономической истории... неизбежно ускользает от тех, кто исходит из следующей неявной предпосылки: «Если вы не можете этого подсчитать – значит, это не следует брать в расчёт» [19, с.11]².

² Надо отметить, что в последнее время некоторые авторы стали использовать количественные методы для определения воздействия культурных различий на экономические результаты [27, с. 29].

Одна из главных причин математизации человеческого поведения и периферийного положения культуры в экономических исследованиях связана с «интеллектуальным фундаментом» экономической теории – *принципом методологического индивидуализма*, в центре которого находится модель *homo economicus* («экономического человека»). Эта модель строится на гипотезе, что все люди одинаковы, где бы они не находились, и будут руководствоваться исключительно эгоистическими предпочтениями и одинаково реагировать на экономические стимулы и существующие возможности. «Для многих экономистов, – писал с некоторым огорчением С. Хантингтон, – аксиомой является утверждение о том, что правильно выстроенная и должным образом реализованная экономическая политика приносит одни и те же плоды независимо от культуры» [24, с. 24]. Однако когда дело доходит до хозяйственной практики, обнаруживается, что реальная траектория экономического развития в гораздо большей степени определяется господствующими социальными нормами, коллективными убеждениями и нравственными установками людей, нежели стандартными инструментами экономической политики. Это говорит о том, что культ *homo economicus* в современном экономическом мейнстриме – довольно сомнительное отражение действительности, поскольку изображает индивида как «счётную машину», как «высушенного, сморщенного гомункулуса» (К. Бруннер), как «монстра» (П. Вайзе), наконец, «как нечто несуществующее» (К. Лаваль). Неудивительно, что и экономическая система, выстроенная на фундаменте *homo economicus*, по меткому замечанию Р. Хайлбронера, «мыслится как общество отшельников, а не как упорядоченная структура групп и классов». А это не может не бросать тень и на саму экономическую науку, которая в результате «сокрытия социального порядка в своей современной форме неисторична, асоциальна и аполитична» [24, с. 47]. Между тем человек, участвующий в хозяйственной деятельности, живёт в реальном мире, выступает как субъект заинтересованных *социальных* отношений, и поэтому «является понятием междисциплинарным, универсальным по своим свойствам. Его следует рассматривать и изучать как *социальный* и *исторический* факт, как результат нашего *культурного* развития» [15, с.15].

Столь упрощённое представление о человеке вынуждает учёных вести поиск более подходящих моделей экономического поведения, способных включить в свои предпосылки как целевую функцию индивида, так и более широкий спектр ограничений, – не только ресурсных, но и социальных. Ещё в конце XIX в. А. Маршалл писал, что хотя в рыночной системе экономические силы сочетаются скорее по принципу механических, чем химических сил, тем не менее, экономическая наука ближе к биологии, чем к механике. Он объяснял это самой спецификой экономической науки – тем, что она «имеет дело главным образом с человеческими существами, которые вынуждены двигаться по пути прогресса и осуществлять перемены, что бы они с собой не несли [18, с. 54]. А это значит, что «силы..., которые должна учитывать экономическая наука, являются более многочисленными, менее определёнными, не столь хорошо известными,

чем механические силы, в то время как материал, на который они воздействуют, является более неопределённым и менее гомогенным» [18, с. 724]. Вместе с тем в отличие от биологии, экономическая наука не может ограничиться лишь анализом причинно-следственных связей, и вынуждена включать в свой арсенал ценностно-целевые обусловленности. Согласно Маршаллу, экономисты должны обладать «глубоким ощущением и известным знанием скрытых источников человеческого поведения», и поэтому «нравственные мотивы также входят в состав тех сил, какие экономист должен учитывать» и рекомендовать наилучшие методы для их осуществления [18, с. 30, 47].

Так что сегодня всё более актуальной становится задача междисциплинарного подхода к экономическим исследованиям, расширения предметного поля экономической теории, включения в него тех аспектов социальных отношений, которые традиционно недооценивались (а то и вовсе игнорировались) профессиональными экономистами и тем самым оказывались в ведении других общественных дисциплин – истории, философии, психологии, социологии, культурологии. Только так можно создать более полную и реалистичную теорию экономического развития, превратить экономическую науку в подлинно гуманитарную дисциплину, трактующую хозяйственную жизнь человека в неразрывной связи с миромкультурных ценностей и социальных институтов.

Понятие культуры: причины разногласий

Нежелание многих исследователей обращать внимание на культурный контекст экономики объясняется не только трудностями включения «неэкономических» феноменов в количественный анализ, чем преимущественно заняты экономисты, но и широко распространённым представлением о том, что экономика и культура никак не «пересекаются» между собой, поскольку принадлежат к разным сферам общественных отношений. И здесь не последнюю роль играет тот факт, что науке до сих пор не удалось выдвинуть определение культуры, которое устраивало бы большинство учёных, включая экономистов. Разногласия начинаются с самой дефиниции термина «культура», не говоря уже о его содержании и пространстве тех явлений, которые охватываются данным понятием. Поэтому совершенно правы те авторы, которые утверждают, что «не прояснив заранее, что мы подразумеваем под словом «культура», мы обречём обсуждение роли культуры в экономической науке на провал» [4, с. 15].

Прежде всего, надо отметить, что в разных гуманитарных дисциплинах понятие культуры применяют в тех значениях, которые в большей мере отвечают соответствующим исследовательским задачам. Этим понятием описываются слишком многие явления окружающей действительности: от любых символических действий до большинства артефактов, – всего того, что создано человеком на протяжении всей истории. Архитектурные сооружения, технические изобретения, художественные произведения, искусство – всё это объединяется

единым термином «культура». Кроме того, культура стала научной категорией, а в наше время, как отмечает немецкий философ Г. Бехманн, она всё ещё чаще применяется «как соревновательное понятие для установления искусственных разграничений в обществе...» [3, с. 110]. Широкое распространение получило также довольно ограниченное, локальное толкование культуры, вроде «культура фотоаппарата, культура пистолета, культура обслуживания, культура глухоты, футбольная культура... культура зависимости, культура боли, культура амнезии и т.д.» [30, с. 30]. Некоторые исследователи ещё в начале 1960-х гг. считали свыше 170 определений культуры [4, с. 14] и вряд ли есть основание сомневаться в том, что за прошедшие полвека это количество только возросло.

Столь широкий спектр взглядов на культуру не только не помогает прийти к однозначному, принятому всеми определению и пониманию этого термина, но, напротив, всё более размывает суть этой важнейшей социологической категории. Поэтому не стоит удивляться не только тому, что из всех ключевых социологических категорий понятие культуры продемонстрировало, по словам известного британского литературоведа Т. Иглтона, «самое слабое аналитическое развитие и сыграло наиболее двусмысленную роль в социологической теории» [8, с. 53], но и игнорированию большинством обществоведов важности выявления функциональной роли культуры в историческом развитии стран и народов. Это в полной мере относится и к экономистам, которые в большинстве своём, как подчёркивалось выше, не озабочены анализом экономического поведения как культурным феноменом. Неудивительно, что в стандартных учебниках по экономической теории нет не только раздела, или главы, но даже параграфа, где культура была бы представлена как основа институциональной структуры общества и одно из важнейших условий экономического роста и общественного развития. Ничего не говорится и в учебниках по международной экономике о культурном многообразии современного мира, где на конкретных примерах показывалось бы, как те или иные культурные качества народов сказываются на их отношении к труду, собственности, закону, предпринимательской деятельности, а следовательно, на уровне и динамике их благосостояния. Ничего подобного на цивилизационный подход в объяснении социально-экономических явлений и исторических событий нет и в учебной литературе по экономической истории, где прошлое было бы представлено в контексте нравов, идей, обычаев и традиций своего времени, а не в виде простого изложения фактов и обилия мало что значащих цифр. Между тем такой подход крайне актуален для улучшения гуманитарного образования. Он не только стал бы первым шагом в усвоении важности культурологического ракурса как нового источника экономического знания, но и расширил бы кругозор студенческой молодёжи, способствовал бы более глубокому пониманию причин исторических явлений, природы, форм и характера хозяйственной деятельности.

По всей видимости не последнюю роль в сложившейся ситуации – помимо вышесказанного – играет широко распространённое представление о том, что

культура равна искусству, художественной деятельности и её плодам. Массовое сознание, как правило, воспринимает феномен культуры в узком смысле и ставит его в один ряд с такими понятиями как «литература», «театр», «кино», «музыка», «образование», вообще духовное производство. Причина такого отождествления кроется, в частности, в том, что поверхностный взгляд фиксирует сущностную характеристику культуры – её *созидающий характер*, т.е. то, что она суть процесс и результат творческой деятельности человека. Искусство же, литература и другие виды духовного производства предстают как наиболее очевидные формы творчества. Отсюда, как полагают некоторые исследователи, и отождествление³. Но дело не только в этом. Важно иметь ввиду, что такое понимание культуры было унаследовано от греков, которое как раз у них ассоциировалось с искусством и которое существенно отличалось от латинского, откуда, собственно, и произошло само слово «культура». В переводе с латинского (*лат. cultura*) это слово означает «возделывание», «обработку», «уход» за землей с тем, чтобы сделать её пригодной для удовлетворения человеческих потребностей. А «возделывать поле, – как писал французский философ Ж. Маритен, – значит применять труд человека, чтобы заставить природу приносить такие плоды, какие она сама по себе принести не в состоянии, ибо то, что она производит сама по себе, есть лишь «дикая» растительность» [17, с.39].

Как видим, слово «культура» с самого начала своего происхождения связывалось с производством, с трудовой деятельностью человека. Его первоначальная связь с сельским хозяйством, точнее говоря – с земледелием (*agriculti*), отнюдь неслучайна. Она объясняется тем, что именно здесь человеку в его производственной деятельности впервые пришлось заниматься «возделыванием», «окультуриванием». Широко используемые выражения «культура земледелия», «окультуренные пастбища», «агрокультура», «культиватор» и т.п. тоже появились по той же причине: в римском словоупотреблении главным всегда была связь культуры с природой, с земледелием, поскольку именно с него началось «культивирование» природы, активное её использование и рациональное преобразование для нужд человека. Характерно, что такое понимание культуры римляне ставили значительно выше всех видов искусств, в том числе и искусства управления домашним хозяйством, которое у греков именовалось «экономией». Римляне были склонны даже на искусство смотреть как на своего рода сельское хозяйство: оно должно было возникать таким же естественным образом, как сельский пейзаж, ассоциироваться с ухоженной природой, походить на знаменитый итальянский ландшафт [1, с. 313].

³ Российский культуролог И. Колесникова обращает внимание на то, что «в истории культуры существует достаточно давняя традиция связывания, объединения искусства и ремесла: или посредством отнесения собственно художественной деятельности к ремеслу, как в Древней Греции, или посредством отнесения ремесла к искусству, как на Востоке. Эта традиция коренится в том, что при определённых условиях искусство действительно вырастает из ремесла. Плюс к этому ремесленная деятельность, даже ориентированная... на практические нужды и утилитарные цели, при условии высокого профессионализма и таланта мастера, может приводить к результатам, действительно несущим на себе печать искусства» [13, с. 82].

У греков на «культивирование природы» был принципиально иной взгляд. Они рассматривали «возделывание почвы», по словам Ханны Аренд, «как дерзкое и насильственное предприятие, из года в год насилующее и терзающее неистощимую и неутомимую землю». С этим напрямую было связано и греческое отношение к природе, которое во многом напоминает наше: не столько культивировать землю, ухаживать за ней, сколько брать у земли готовыми её плоды. «Греки не знали, что такое культура, – пишет Аренд, – потому, что они не культивировали природу, а, скорее, вырывали из лоно земли плоды, которые боги спрятали от людей...»⁴.

В средневековый период в связи с развитием и распространением христианства, когда религия начала охватывать собой все стороны человеческой жизни, латинское слово *cultura* становится также религиозным термином «культ», который приобретает божественный, трансцендентный смысл, получает «величественную мантию религиозного авторитета» [8, с.9]. В результате слово «культура» используется уже не столько в смысле «ухода» за окружающей природой, сколько употребляется в значении *духовного производства* – культивировании ума и души, заботы о языках, литературе, науке, искусстве⁵. На рубеже XVI-XVII вв. это значение надолго закрепляется в трактовке содержания и самой идеи культуры и фактически становится традиционным, классическим её определением. Правда, в этом немалую роль сыграли также изменившиеся материальные и социальные условия наступившего Нового времени. По мере углубления общественного разделения труда, перехода от сельскохозяйственного производства к городской жизни, сопровождавшегося расцветом разного рода ремёсел, торговли, предпринимательской деятельности, основным субъектом и господствующей экономической и социальной силой в обществе становятся представители третьего сословия, прежде всего, *bourgeois* (буржуазия, «мещане», «горожане»). Именно «горожанам» в немалой степени обязаны своим возникновением и небывалым расцветом наука, литература, искусство зарождавшегося нового буржуазного строя. Не будем также забывать, что благодаря протестантской Реформации было легитимировано стремление буржуазии к накоплению капитала и к политической власти, созданы условия для перехода от средневековой морали, осуждавшей стяжание богатства, к новой жизненной философии – профессиональному преуспеванию. Важнейшими её чертами стали неустанный труд, бережливость, рациональное хозяйствование, добропорядочность, послужившие основой формирования национального характера многих европейских народов и обеспечившие со временем их бурный экономический подъём.

⁴ Эти слова крупного политического мыслителя XX в. в полной мере относятся и к нам, характеризуют наше отношение к земле, её богатствам и к тому, как эти богатства использовались на протяжении всей русской истории, вплоть до сегодняшнего дня. Ориентация экономики на пеньку, лес, пушнину, нефть, металлы, газ, извлечение «из лоно земли» других плодов, «спрятанных богами от людей», вечная территориальная экспансия – вот ярчайшие признаки проявления «греческого понимания культуры», вошедшее в плоть и кровь русской ментальности и мешающее стране встать на путь «ухода за землей», культивирования не только природы, но всей нашей окружающей действительности [1, с. 314].

⁵ Надо отметить, что впервые слово «культура» по отношению к проблемам духа и ума употребил ещё Цицерон, прямо говоривший, что «ум подобен полю, которое не может стать плодородным, если его надлежащим образом не культивировать...» [1, с. 312].

Всё это вместе взятое привело к тому, что понятия «культуры-как-ухода» за землей, «культуры-как-культы» и «культуры-как-искусства» трансформируются в культуру городской жизни, в которой соседствуют музыка, наука, образование, торговля, предпринимательство, промышленность. Иначе говоря, культура начинает трактоваться в широком смысле слова – как образ мышления и поведения (в том числе в экономической деятельности), как комплекс установок и практик, разделяемых сначала городским населением, а впоследствии большинством членов общества, и позволяющим этому обществу развиваться. По образному выражению Иглтона, «в своём собственном семантическом развертывании это слово отображает исторический переход человечества от сельской жизни к городской, от свиноводства к Пикассо, от возделывания земли к расщеплению атома. Говоря на языке марксизма, оно объединяет в одном понятии базис и надстройку» [8, с. 8-9].

Итак, культура представляет собой сложное и многоплановое социально-историческое явление, зарождение и развитие которого связано непосредственно с производственной деятельностью человека, накоплением им практического жизненного опыта. Если у животных процесс приспособления к окружающей действительности происходит посредством *генетически* наследуемых инстинктов, то у людей – в результате *коллективной* жизнедеятельности и рационализации поведения, ориентированного на *социально* наследуемые культурные образцы, в основе которых лежат, по словам Ф. фон Хайека, «укоренившиеся традиции» [22, с. 476]. Взаимодействуя с окружающей природой и социальной реальностью, изменяя её в интересах коллективного выживания, люди изменяют своё сознание и способы поведения, обучаются тому, что следует, и ещё в большей мере – чего не следует делать в тех или иных обстоятельствах. Так в ходе конкурентного отбора и отсева формируются и закрепляются правила поведения, составляющие, в конечном счёте, культуру данного сообщества, которую польский писатель и философ С. Лем определял как «локальную стратегию выживания» [16, с.390], выступающую «базисным» условием соответствующих общественных систем, «у каждой из которых свои собственные законы развития» [8, с.23]. А это значит, что культура – не универсальный продукт общественного развития. В каждом конкретном обществе она отличается своими особенностями, связанными с уникальностью его исторического прошлого, географическими и природно-климатическими условиями обитания народов, что в итоге и накладывает свою печать на своеобразие их социально-экономического и политического развития.

«Культура возникает тогда, когда встречаются двое»

Термин «культура», как подчёркивалось выше, далеко не всегда означает только то, что хорошо, что полезно, что всегда и неизменно ведёт к прогрессу. Культура – явление социальное, производное от общества, от отношений между

людьми. Один человек не может породить культуру [21, с. 423]. В мире Робинзона нет культуры, она рождается лишь с появлением Пятницы – с этого момента им обоим предстоит договариваться о совместном существовании, формах взаимодействия, языке общения, способах производства и распределения благ, образе жизни и т.д., что в совокупности и будет представлять собой культуру в обществе этих двух островитян. Как заметил видный немецкий философ и социолог XIX в. Г. Зиммель, культура появляется тогда, когда встречаются двое: это то, что пролегает между ними при их взаимодействии. До этого, какими бы знаниями, умениями и навыками не был наделён изолированный от общества индивид, все его приобретения ещё не представляют культуру в её социальном смысле. «Культура возникает тогда, – подчеркивал Зиммель, – (и этот момент является определяющим для её понимания), когда встречаются два элемента, каждый из которых не содержит её сам по себе...» [7, с. 447-449]. О том же пишет и современный голландский социопсихолог К. Хофстеде, определяя культуру как «коллективное программирование разума», которое отличает членов одной группы от людей другой группы: «Культура – это не личность особо крупного размера; культуры формируются путём взаимодействия разных личностей, как конфликтующих, так и дополняющих друг друга, которые создают целое, намного превосходящее сумму своих частей» [4, с. 17,154].

Взаимодействуя друг с другом, люди вынуждены определённым образом ограничивать себя, свои индивидуальные желания и предпочтения, свои страсти и намерения, поскольку интересы отдельного индивида далеко не всегда совпадают с интересами той или иной человеческой общности, а нередко вступают с ними в явное противоречие. Рождающиеся в ходе этих ограничений нормы и правила будут представлять собой культуру данного социума, которая, утверждая определённый порядок, становится своеобразным «общественным благом», позволяющим людям обеспечивать их совместное существование. Но диалектика учит нас тому, что всякий порядок порождает и его противников. Действующие социальные и культурные предписания далеко не всегда могут разделяться отдельными людьми, а это значит, что отдельный человек, как отмечал ещё З. Фрейд, является «врагом культуры», поскольку она противостоит его частным интересам, его свободе. Вместе с тем, в этом противоречии заложен и источник развития: страны, как и отдельные люди, могут двигаться вперед, только преодолевая собственную несвободу, накладываемую на них культурой. При этом культура, будучи по самой своей сути явлением консервативным, вынуждена адаптироваться к меняющимся условиям и тем самым развиваться, открывая новые возможности для развития других сфер общественной жизни, в том числе и экономики. Такая адаптация в разных обществах происходит по разному: одни культуры быстрее реагируют на давление возникающих обстоятельств и новых противоречий, способствуют созданию эффективных социальных институтов, другие могут сохранять свои основные «скрепы» на протяжении долгого исторического времени, выступая фактором долгосрочной экономической и политической стагнации и упадка. Именно такие

случаи имеются ввиду, когда говорится, что культура не всегда тождественна социальной полезности, что она не абсолютное благо, поскольку устаревшие, традиционалистские, иррациональные формы сознания и поведения людей на определённом этапе превращаются в оковы общественного развития.

Что касается развитых, постиндустриальных обществ, или, как их именуют некоторые культурологи, *обществ постмодерна*, то здесь наблюдается *качественная трансформация культуры* и её социальных функций. Известный российский культуролог А. Флиер был одним из первых, кто ещё 10 лет тому назад обратил внимание на то, что постмодерн на место прежней культуры как формы ограничения и подавления коллективом личности ставит культуру, в которой доминирующая роль принадлежит индивиду [22, с. 437-448]. Такая трансформация, с одной стороны, была вызвана изменениями в самом экономическом базисе общества, а с другой, оказала качественное влияние на характер современной экономики – «ресурсная экономика» («экономика труда, капитала, земли») стала всё заметнее уступать своё место экономике индивидуального «человеческого капитала». Автор отмечает, что отличительной особенностью всех предыдущих эпох, в том числе индустриальной, было подчинение индивида той или иной коллективной общности (роду, племени, сословию, корпорации, нации). Именно на это была направлена вся совокупность традиций, обычаев, норм, правил, законов, производственно-технологических требований. В соответствии с ними формировалась и вся система политических, социальных и экономических институтов. Но во второй половине XX в. этот принцип перестал отвечать новым реалиям – существенно возросшей роли личности в общественной и экономической жизни, что и породило постмодерн (культуру постиндустриального общества). В связи с этим культура с её табуирующими установками, стала терять свою актуальность. Ситуация меняется таким образом, что реальная власть во многих сферах современного общества переходит в руки профессионалов – специалистов в области научного знания и высоких технологий (*high tech*) [21, с. 441].

Таким образом, постмодерн раскрепощает личность, освобождает её от прежних ограничений, расширяя тем самым свободы отдельного человека и поднимая его до уровня коллектива. В этом смысле общественное развитие, преодолевая унаследованные традиции, обычаи и нравы, в известном смысле преодолевает и культуру в её изначальном, классическом понимании как табу, как ограничения индивидуальной свободы. На смену ей приходит культура с качественно новыми задачами – в ней начинают преобладать креативные, творческие функции. В результате из механизма управления индивидом культура постепенно превращается в средство его *социальной самореализации*. Отсюда вытекает и основная задача постмодерна – борьба с традиционализмом, «с тотальной зависимостью общества от исторически унаследованной культуры и её норм, являющихся плодом решения проблем совершенно иного времени, порождённых другими условиями и обстоятельствами» [22, с. 447].

Возвращаясь к вопросу об актуальности правомерности включения культуры в предметное поле экономической науки, необходимо подчеркнуть ещё одну важную деталь – глубокую *онтологическую связь* между экономикой и культурой. Данная связь обнаруживается, прежде всего, в том, что обе эти сферы человеческих отношений направлены на решение одной и той же задачи – конкурентный отбор наилучших способов выживания людей, реализацию ими соответствующих жизненных потребностей. Поскольку окружающий нас мир не предоставляет нам возможностей для достижения всех наших целей, наше поведение неизбежно принимает форму выбора: из разнообразных альтернативных вариантов люди выбирают те, которые в наибольшей мере отвечают их интересам. При этом, если в собственно экономической сфере люди руководствуются *индивидуальным материальным стимулом*, желанием наиболее полного удовлетворения своих разнообразных потребностей, для чего стремятся к эффективному использованию ресурсов, то сложившиеся культурные паттерны выступают в качестве *коллективистского импульса*, формирующего у них те или иные установки, институты и порядки деятельности, которые лежат в основе того или иного выбора. Следовательно, не может быть экономики вне поддерживающей её культуры, соответствующего ей культурного «базиса». Согласно Хайеку, наша экономическая система не является результатом работы нашего интеллекта и сознательных усилий людей, – возможности человеческого разума недостаточны для этого, стала следствием выживания более эффективных правил и обычаев в процессе конкуренции, их длительной культурной селекции. Такие институты, как язык, мораль, собственность, право, рынок, деньги, контракт, а также такие ценности, как честность, ответственность, добросовестность, доверие укоренились в обществе не по заранее задуманному плану, а стихийно, в силу своей целесообразности. Хайек показал, что большинство шагов в эволюции культуры, а, следовательно, и в экономическом развитии, было сделано тогда, когда люди порывали с традиционными правилами и вводили в обиход новые формы поведения. Делали они это не потому, что заранее со всей ясностью осознавали преимущества нового: на практике новые формы закреплялись лишь в том случае, если способствовали росту численности конкретных социальных общностей, направляли их по пути материального преуспевания [23, с. 482]. Поэтому, подчёркивал учёный, «культура неотделима от прогресса, и как раз те силы, которые поддерживают культуру, толкают нас и по пути прогресса. Что верно в отношении экономики, верно и в отношении культуры в целом: она не может оставаться неизменной, и если застывает, то вскоре приходит в упадок». Вслед за этим со временем маргинализируется и приходит в упадок вся система социальных институтов, включая экономические [22, с. 609].

Концепция культурного капитала как инструмент экономического анализа

Для преодоления трудностей, связанных с включением культуры в инструментальный арсенал экономической науки, а, следовательно, для лучшего и

более глубокого понимания её предмета исследования, экономисты могли бы обратиться к разработанному социологами понятию «культурного капитала», впервые введённому в научный лексикон видным французским философом П. Бурдьё [5, с. 519-536.]. И хотя у Бурдьё это понятие сводится к индивиду, к человеческому «я», а не к обществу в целом⁶, сам факт его появления даёт экономистам возможность оперировать более привычной для них категорией, какой и является категория капитала. В некоторых исследованиях уже обращалось внимание на то, что культурный капитал позволяет глубже осмыслить и наполнить новым содержанием более ранние понятия капитала, к числу которых относятся «природный капитал» (физиократы), «капитал как средство производства» (А. Смит), «капитал как определенное производственное отношение» (К. Маркс), «человеческий капитал» – качество рабочей силы (Г. Бэккер), «социальный капитал» – свойственная обществу способность поощрять объединение своих членов на основе доверия между ними (Дж. Коулмен, Ф. Фукуяма).

Очевидно, что культурный капитал оказывает влияние на функционирование всех вышеперечисленных видов капиталов, выступает как связующее звено и ключевое условие, способствующее их экономической реализации и развитию, но наиболее тесно его связь обнаруживается с последними двумя видами капитала. В этом контексте *культурный капитал можно было бы назвать определённой системой отношений между людьми по поводу разделяемых ими ценностей, мировоззренческих установок и морально-нравственных принципов, посредством которых общество в целом и каждый его член в отдельности с той или иной эффективностью реализуют в своей повседневной практике приобретённые знания, накопленный профессиональный и социальный опыт в соответствии с поставленными индивидуальными, групповыми и общественными целями.* Разумеется, приведённая трактовка культурного капитала, как и термин «культура», не есть коннотация понятия «развитие», «прогресс». Культурный капитал может быть как высококачественным, так и низкокачественным, не соответствующим потребностям дальнейшего экономического развития. Высококачественный культурный капитал следует рассматривать как общественный актив, позволяющий эффективно использовать имеющиеся в экономической системе ресурсы посредством повышения роли человеческого и социального капитала в разрешении возникающих в обществе противоречий, ориентирующий отдельных индивидов и их сообщества на всемерное развитие способностей людей, повышение их образовательного уровня, доверия между ними, стимулирующий предприимчивость, честность, пунктуальность и, как следствие, получение выгод в виде устойчивого экономического роста, прочных политических и гражданских свобод, улучшения качества повседневного существования.

⁶ «Культурный капитал, – пишет Бурдьё, – состоит из форм знания, навыков, образования и преимуществ, которыми обладает личность и которые дают ему или ей более высокий статус в обществе. Передавая своим детям установки и знания, необходимые для успеха в существующей в данный момент времени образовательной системе, родители наделяют их культурным капиталом» [5].

Определение культурного капитала содержится и у Харрисона: «Культурный капитал, – пишет он, – есть совокупность ценностей, верований и установок, ведущих общество к достижению целей Всеобщей декларации прав человека ООН, а именно: а) к демократической форме правления, включающей верховенство права; б) к социальной справедливости, включающей образование, здравоохранение и благоприятные возможности для всех; в) к ликвидации бедности» [26, с. 27]. Однако его трактовка культурного капитала, при всей её целенаправленности, подразумевает лишь «высококачественный» капитал и не может быть использована для описания культур, враждебных прогрессу, в рамках которых формируются ущербные институты и формы правления, попирающие права человека, ухудшающие качество общественной системы, порождающие недоверие между людьми, социальную несправедливость, отсталость, бедность и нищету. Видимо, с методологической точки зрения, было бы правильнее сначала дать общенаучную трактовку культурного капитала, которую в дальнейшем можно было бы наполнять соответствующим качественным содержанием. Ещё раз отмечу, что социальное содержание культурного капитала следует искать в совокупности отношений между людьми по поводу качественно различных систем общественных ценностей, предопределяющих эффективность функционирования всех прочих видов капитальных активов – физического, природного, человеческого и социального капиталов, – а значит, продуктивность и динамизм экономики в целом.

Первый наиболее обстоятельный анализ влияния культурного капитала на человеческий и социальный капитал был предпринят аргентинским учёным М. Грондоной, на основе чего он разработал собственную культурологическую теорию экономического развития. Эта теория представлена в форме типологии культурных характеристик, которые позволяют выделить культуры, благоприятствующие экономическому развитию (высокий уровень культурного капитала), и культуры, противостоящие ему (низкий уровень культурного капитала). Авторская методология строится на предпосылке о наличии в любом обществе реальной системы ценностей, являющейся по своему содержанию смешанной. «Чистые», идеальные системы ценностей, существующие только в представлении исследователя, могут быть двух типов: одни включают в себя только те ценности, которые способствуют прогрессу, другие – только те, которые противятся ему. Грондона предлагает рассматривать страну *современной* в той мере, в какой она приближается к первой системе, и, напротив, *традиционной* – в той мере, в какой она ближе ко второй. Важно и то, что реальные системы являются не только *смешанными*, но и меняющимися. Если они смещаются в направлении благоприятного полюса шкалы системы ценностей, то это приводит к повышению шансов на то, что страна будет развиваться. Если же они движутся в противоположном направлении, то вероятность их успешного экономического развития существенно снижается [26, с. 30].

Типология включает в себя свыше двадцати факторов культурного капитала (мировоззренческих, этических, поведенческих), оказывающих влияние

на его качество и формирующих силы, которые двигают общество к прогрессу, или, напротив, противостоят ему. Среди них выделяются: *религия* (выступает влиятельной и конструктивной силой в высокоразвитой культуре, поскольку воспитывает рациональность и стремление к достижениям материальных целей; в обществах с низким уровнем культурного капитала формирует иррациональный образ мышления, сосредотачивается на страданиях); *этический кодекс* (жесткий и реалистичный – в обществах с высококачественным капиталом; гибкий и оторванный от реальности – в обществах с низкокачественным капиталом); *отношение к труду* (как главной формы самовыражения личности; как бремени, необходимому злу и уделу бедняков); *взгляд на конкуренцию* (как на созидательную силу, ведущую к инновациями процветанию общества; как на явление, равносильное агрессии, поскольку угрожает стабильности и сплоченности общества, воспитывает зависть); *ориентация во времени* (в прогрессивной культуре люди сосредоточены на будущем, на которое можно влиять, в том числе посредством сбережений и инвестиций; в противящейся прогрессу культуре в центре внимания находится прошлое, а будущее фаталистически предопределено судьбой) [26, с. 32-50].

Даже перечисленных культурных характеристик достаточно, чтобы увидеть огромную функциональную роль культурного капитала. Имеющаяся статистика показывает, что страны с развитым культурным капиталом имеют и высокое качество человеческого и социального капитала. Среди 179 стран-членов ООН, участвующих в исследовании по *Индексу человеческого развития*, первое место в рейтинге заняла Исландия, за ней Норвегия, потом Канада и Австралия, на пятом месте – США, на седьмом – Швеция, на двенадцатом – Финляндия. Россия оказалась в этом списке лишь на 73-й строчке – в компании с Эквадором, Казахстаном, Маврикием и Турцией. А такие страны, как Испания и Чили обладают намного большим потенциалом человеческого развития, чем Россия (Испания занимает в индексе ООН 16-е место, Чили – 40-е). Это говорит о том, что ни наличие или отсутствие природных ресурсов, ни численность населения и размеры страны, ни богатые музеи и библиотеки не являются достаточными условиями, приводящими страны к успеху. Всё дело в культурном капитале: там, где он развит, в обществе кристаллизуются ценности, приучающие людей к критическому мышлению, самоорганизации, доверию, стремлению к новаторству и успеху; напротив, низкий уровень культурного капитала чреват антропологическим и социальным регрессом, и, в конечном счёте, экономическим и технологическим отставанием от передовых стран современного мира.

Именно об этом говорили многие участники (в том числе и премьер-министр российского правительства) на Гайдаровском форуме в январе 2017 г. Там же обращалось внимание и на ухудшающееся положение России в мировой экономике. В настоящее время Россия с численностью населения в 145 млн чел. производит такой же объём ВВП, как и Австралия, в которой проживает чуть больше 20 млн чел. Россия находится в седьмом десятке стран по ВВП на душу

населения, в пятом десятке по средней зарплате, доля страны в международной торговле составляет около 1%, а доля российской валюты в мировом обороте и того меньше – всего 0,2%. Сегодня в России нет ни одного вуза, который входил бы в топ-100 вузов мира, а индекс цитируемости научных публикаций российских учёных находится на уровне Египта.

За четверть века постсоветской истории России так и не удалось вырваться из «ловушки нефтяного проклятия». Более того, эта ловушка всё сильнее захлопывается растущей зависимостью страны от добычи и экспорта топливно-энергетических ресурсов. Между тем, многие страны современного мира давно пришли к ясному пониманию того, что в постиндустриальную эпоху минеральные ресурсы уже не являются конкурентным преимуществом. Конкурентоспособность нации определяется факторами, которые порождают люди: это их отношение к собственности, это качество государственного управления, это действующие институты, независимая судебная система, политическая конкуренция и сменяемость власти, социальная защищённость и справедливость, свободные медиа. На Западе эти факторы уже давно играют ключевую роль в развитии. По данным экономистов Всемирного банка, в начале XXI в. в развитых странах доля природного капитала в национальном богатстве составляет всего лишь 2%, доля физического капитала – менее 20%, а удельный вес ресурсов, воплощённых в людях, достигает 4/5. В России же на долю природного капитала приходится 44% национального богатства, на производительный капитал – 41%, на человеческий – всего 15% [10, с. 49-50]. Эти данные показывают, что источники современного преуспевания развитых стран по своей природе нематериальны – они главным образом проистекают от образования, научных знаний и доверия, создаваемых в обществе и формирующих новую форму богатства: человеческий и социальный капитал. Сырьевая же модель экономики, базирующаяся на экспорте энергоносителей, фактически является «проклятием» для страны и её населения, поскольку сопровождается проблемами, сдерживающими модернизацию экономики, её социальную и инновационную направленность. К числу этих проблем относятся: «голландский синдром» (состояние экономики, при котором экспорт сырья гасит развитие отраслей с высокой добавленной стоимостью); «эффект вытеснения» природными активами культурного и человеческого капиталов; «рентная ловушка» (боязнь перехода к инновационной модели развития) [9, с. 120].

Итак, подводя итоги сказанному: всё, происходящее с нашей экономикой, – это результат, прежде всего, низкого качества культурного капитала, которое сказывается как на структуре, так и на эффективности функционирования других элементов национального богатства. Хотим мы того или нет, придётся признать, что решение многих наших социально-экономических, производственных и чисто бытовых проблем лежит в значительной степени в сфере нравственности и морали. Низкая трудовая дисциплина, некачественный труд, лояльное отношение к коррупции и обману, страх нового, равнодушие к по-

иску истины, правовой нигилизм, нездоровый образ жизни выросли на почве определённых этических представлений и массового культурного сознания, сформировавшихся в социуме на протяжении долгого исторического периода. Изменить их – задача всех общественных институтов, занимающихся образованием и воспитанием граждан. Именно они в первую очередь призваны направлять свою деятельность в русло раскрепощения сознания людей, развития их творческих способностей, отказа от имперского и милитаристского мировоззрения и враждебного отношения к окружающему миру, усвоения передовых культурных ценностей других народов, позволивших им создать устойчивые демократические системы, служащие интересам неуклонного роста народного благосостояния. Только так мы сможем наращивать культурный капитал общества и построить современную высокоразвитую экономику.

Список литературы

1. Арэнд Х. Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. 416 с.
2. Басу К. По ту сторону невидимой руки: Основания новой экономической науки. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. 432 с.
3. Бехманн Г. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний. 2-е изд. М.: Логос, 2012. 248 с.
4. Бёгельсдейк Ш., Маселанд Р. Культура в экономической науке: история, методологические рассуждения и области практического применения в современности. М.: Изд-во Института Гайдара. 2016. 464 с.
5. Бурдые П. Формы капитала // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. 519-536 с.
6. Димаджо П. Культура и хозяйство // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. 471-518 с.
7. Зиммель Г. Избранное. Том 1. Философия культуры. М.: Юрист, 1996. 671 с.
8. Иглтон Т. Идея культуры. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2012. 190 с.
9. Ивашковский С. Модернизация России: историко-культурный аспект // Вестник МГИМО-Университета. 2011. №3. С.112-121.
10. Инновационное развитие: экономика, интеллектуальные ресурсы, управление знаниями. Под ред. Б. З. Мильнера. М.: ИНФРА - М, 2010. 624 с.
11. Касаткин П.И. Роль Русской православной церкви в современных мировых политических процессах. Диссер. на соиск. степ. к.полит.н. / МГИМО. Москва, 2010. 190 с.
12. Кириллов И. А. Правда старой веры. Барнаул: Алтай Старовер, 2008. 502 с.
13. Колесникова И.В. Искусство как феномен культуры // Введение в культурологию. М.: МИИТ, 1996. 94 с.
14. Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют прогрессу. Под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. М.: Московская школа политических исследований, 2002. 320 с.
15. Лаваль К. Человек экономического. Эссе о происхождении неолиберализма. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 432 с.
16. Лем Ст. Философия случая. М.: АСТ Москва. 2007. 768 с.
17. Маритен Ж. Знание и мудрость. М.: Научный мир, 1999. 244 с.
18. Маршалл А. Основы экономической науки. М.: Эксмо, 2008. 838 с.
19. Мюллер Дж. Капитализм, коммунизм и евреи. М.: Карьера Пресс, 2011. 288 с.
20. Нисбет Р. Прогресс: история идеи. М.: ИРИСЭН, 2007. 557 с.
21. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. М.: Изд. Дом Гос. Ун-та Высшая школа экономики, 2010. 256 с.
22. Флиер А.Я. Культурология для культурологов: Учебное пособие. М.: Согласие, 2010. 672 с.
23. Хайек Фридрих Август. Право, законодательство и свобода. М.: ИРИСЭН, 2006. 644 с.
24. Хайлбронер Р. Экономическая теория как универсальная наука // THESIS. 1993. Т. 1. № 1. С. 41-55.
25. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: ООО «Из-

- дательство АСТ», 2004. 635 с.
26. Харрисон Л. Евреи, конфуцианцы и протестанты: культурный капитал и конец мультикультурализма. Москва: Мысль, 2014. 286 с.
  27. Barro R., McCleary R. Religion and Economic Growth across Countries // *American Sociological Review*. 2003. Vol. 68, №. 5. Pp. 760-781.
  28. Banfield E. *The Moral Basis of a Backward Society*. Free Press, 1958. 204 p.
  29. Guiso L., Sapienza P., Zingales L. Does Culture Affect Economic Outcomes? // *Journal of Economic Perspectives*. 2006. Vol. 20 No. 2. Pp. 23-48. DOI: 10.1257/jep.20.2.23
  30. Rao V., Walton M. *Culture and Public Action*. Stanford, California 2004. 442 p.
  31. Hartman G. *The Fateful Question of Culture*. N.Y, 1997. 272 p.

Об авторе:

Станислав Николаевич Ивашковский – к.э.н., заведующий кафедрой экономической теории МГИМО МИД России; профессор ИБДА Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. E-mail: stanislav.ivashkovskiy@mail.ru.

ECONOMY AS A PHENOMENON OF CULTURE: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ANALYSIS

S.N. Ivaskovsky
DOI 10.24833/2071-8160-2017-3-54-268-290

Moscow State Institute of International Relations (University)

The article redefines economy as a phenomenon of culture, a product of a historically and socially grounded set of values shared by members of a given society. The research shows that culture is not always identical to social utility, because there are multiple examples when archaic, traditionalist, irrational cultural norms hinder social and economic progress and trap nations into poverty and underdevelopment.

One of the reasons for the lack of scholarly attention to cultural dimension of economy is the triumph of positivism in economics. Mathematics has become the dominant language of economic analysis. It leads to the transformation of the economics into a sort of «social physics», accompanied by the loss of its original humanitarian nature shared in the works of all the great economists of the past. The author emphasizes the importance of the interdisciplinary approach to the economic research and the incorporation of the achievements of the other social disciplines – history, philosophy, sociology and cultural studies - into the subject matter of economic theory.

Substantiating the main thesis of the article, the author shows that there is a profound ontological bond between economy and culture, which primarily consists in the fact that these spheres of human relations are aimed at the solution of the same problem – the competitive selection of the best ways for survival of people, of satisfying the relevant living needs. In order to overcome the difficulties related to the inclusion of culture in the set of analytical tools used in the economic theory, the author suggests using a category of «cultural capital», which reestablishes the earlier and more familiar for the economists meaning of capital.

Key words: competitive selection, culture, cultural capital, mathematization of economic theory, post-modern, nature of culture, social capital, values, human capital, effect of gauge.

References

1. Arendt Kh. *Mezhdru proshlym i budushchim. Vosem' uprazhnenii v politicheskoi mysli* [Between the past and the future. Eight exercises in political thought]. Moscow: Publishing House of Gaidar Institute, 2014. 416 p. (In Russian).
2. Basu K. Po tu storonu nevidimoi ruki: Osnovaniia novoi ekonomicheskoi nauki [On the other side of the invisible hand: Foundations of a new economic science]. Moscow: Publishing House of Gaidar Institute, 2014. 432 p. (In Russian).
3. Bekhmann G. Sovremennoe obshchestvo: obshchestvo riska, informatsionnoe obshchestvo, obshchestvo znaniia [Modern society: a society of risk, an information society, a knowledge society]. 2-nd edition. Moscow: Logos, 2012. 248 p. (In Russian).
4. Begel'sdeik Sh., Maseland R. Kul'tura v ekonomicheskoi nauke: istoriia, metodologicheskie rassuzhdeniia i oblasti prakticheskogo primeneniia v sovremennosti [Culture in economic science: history, methodological reasoning and areas of practical application in modern times]. Moscow: Publishing House of Gaidar Institut. 2016. 464 p. (In Russian).
5. Burdë P. Formy kapitala [Forms of Capital]. *Zapadnaia ekonomicheskaiia sotsiologiya: Khrestomatiia sovremennoi klassiki*. Moscow: Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia, 2004. Pp. 519-536. (In Russian).
6. Dimadzhio P. Kul'tura i khoziaistvo [Culture and economy]. *Zapadnaia ekonomicheskaiia sotsiologiya: Khrestomatiia sovremennoi klassiki*. Moscow: Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia, 2004. Pp. 471-518. (In Russian).
7. Zimmel' G. Izbrannoe. Tom 1. Filosofii kul'tury [Selected works. Vol. 1. Philosophy of Culture]. Moscow: Iurist Publ., 1996. 671 p. (In Russian).
8. Iglton T. *Ideia kul'tury* [The idea of culture]. Moscow: Publ. House of the Higher School of Economics, 2012. 190 p. (In Russian).
9. Ivashkovskii S. Modernizatsiia Rossii: istoriko-kul'turnyi aspekt [Modernization of Russia: Historical and Cultural Aspect]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 2011, no. 3, pp.112-121. (In Russian).
10. *Innovatsionnoe razvitie: ekonomika, intellektualnye resursy, upravlenie znaniiami* [Innovative development: economy, intellectual resources, knowledge management]. Ed. by B. Z. Mišner. Moscow: INFRA Publ. Moscow, 2010. 624 p. (In Russian).
11. Kasatkin P.I. *Rol' Russkoy pravoslavnoy cerkvi v sovremennikh mirovikh politicheskikh processov* [The Role Russian Orthodox Church in World Politics]. Moscow, 2010. 160 p.
12. Kirillov I.A. *Pravda staroi very* [The truth of the old faith]. Barnaul: Altai Starover, 2008. 502 p.
13. Kolesnikova I.V. *Iskusstvo kak fenomen kul'tury* [Art as a phenomenon of culture]. *Vvedenie v kul'turologiiu*. Moscow: MIIT, 1996. 94 p. (In Russian).
14. *Kul'tura imeet znachenie. Kakim obrazom tsennosti sposobstvuiut progressu* [Culture matters. How values contribute to progress]. Ed by L. Kharrisona i S. Khantingtona. Moscow: Moskovskaia shkola politicheskikh issledovaniia Publ., 2002. 320 p. (In Russian)
15. Laval' K. *Chelovek ekonomicheskii. Esse o proiskhozhdenii neoliberalizma* [The economic man. The essay on the origin of neoliberalism]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010. 432 p. (In Russian).
16. Lem St. *Filosofia sluchaia* [The philosophy of chance]. Moscow: AST Moscow. 2007. 768 p. (In Russian).
17. Mariten Zh. *Znanie i mudrost'* [Knowledge and wisdom]. Moscow: Nauchnyi mir Publ., 1999. 244 p. (In Russian).
18. Marshall A. *Osnovy ekonomicheskoi nauki* [Fundamentals of Economic Science]. Moscow: Eksmo, 2008. 838 p. (In Russian).
19. Muller Dzh. *Kapitalizm, kommunizm i evrei* [Capitalism, Communism and the Jews]. Moscow: Kar'era Press, 2011. 288 p. (In Russian).
20. Nisbet R. *Progress: istoriia idei* [Progress: the history of the idea]. Moscow: IRISEN Publ., 2007. 557 p. (In Russian).
21. North D. *Ponimanie protsessa ekonomicheskikh izmenenii* [Understanding the

- process of economic change]. Moscow: HSE Publ., 2010. 256 p. (In Russian).
22. Flier A.Ia. *Kul'turologiia dlia kul'turologov: Uchebnoe posobie* [Culturology for Culturologists: Textbook]. Moscow: Soglasie, 2010. 672 p. (In Russian).
  23. Hayek F. Avgust. *Pravo, zakonodatel'stvo i svoboda* [Law, legislation and freedom]. Moscow: IRISEN, 2006. 644 p. (In Russian).
  24. Heilbroner R. *Ekonomicheskaia teoriia kak universal'naia nauka* [Economic theory as a universal science]. *THESIS*. 1993, vol. 1, no. 1, pp. 41-55. (In Russian).
  25. Huntington S. *Kto my? Vyzovy amerikanskoi natsional'noi identichnosti* [Who are we? The challenges of American national identity]. Moscow: «AST» Publ., 2004. 635 p. (In Russian).
  26. Harrison L. *Evrei, konfutsianty i protestanty: kul'turnyi kapital i konets mul'tikulturalizma* [Jews, Confucians and Protestants: Cultural Capital and the End of Multiculturalism]. Moscow: Mysl' Publ., 2014. 286 p. (In Russian).
  27. Barro R., McCleary R. Religion and Economic Growth across Countries. *American Sociological Review*. 2003, vol. 68, no. 5, pp. 760-781.
  28. Banfield E. *The Moral Basis of a Backward Society*. Free Press, 1958. 204 p.
  29. Guiso L., Sapienza P., Zingales L. Does Culture Affect Economic Outcomes? *Journal of Economic Perspectives*. 2006, vol. 20, no. 2, pp. 23-48. DOI: 10.1257/jep.20.2.23
  30. Rao V., Walton M. *Culture and Public Action*. Stanford, California 2004. 442 p.
  31. Hartman G. *The Fateful Question of Culture*. N.Y, 1997. 272 p.

About the author:

Stanislav N. Ivaskovsky – PhD in Economics, associate professor, head of the department of economics in MGIMO-University. Russia, 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454.
E-mail: stanislav.ivashkovskiy@mail.ru.